

Глава 8. Случайная встреча

На подмостках стояла юная артистка.

Разожгши факел, она достала глубокую чашу с водой и пустила её по кругу, давая зрителям убедиться, что внутри обычная влага. Кто-то из толпы даже сделал глоток. Затем девушка набрала полный рот воды и резко выдохнула её прямо на пламя.

В этой воде таился какой-то секрет: едва мельчайшие брызги коснулись огня, как пламя мгновенно вспыхнуло, раздавшись вширь раза в четыре, а то и в пять.

Сцена озарилась золотистым сиянием, и над головами зрителей, подобно диковинному цветку, распустилось багровое огненное облако.

Стоило девушке повторить этот трюк ещё пару раз, как толпа разразилась восторженными криками.

Впрочем, вскоре она погасила факел и с улыбкой обратилась к зрителям:

— Погодите аплодировать, почтенные! Это лишь скромная забава, ничего более. Позвольте мне перевести дух, и я покажу кое-что поинтереснее.

С этими словами она подобрала стоявшую у края сцены щербатую глиняную чашу и спустилась в толпу собирать милостыню. По площади тут же разнёсся весёлый звон сталкивающихся медных монет.

Сунь Цинфэн никогда прежде не видел подобных представлений. Нахмурившись, он вполголоса спросил:

— Колдовство?

— Что ты, папа, это обычный фокус, — рассмеялся Цзинь Линьэр. — Мы с матушкой, когда скитались, часто такое видели. Вода там самая простая, чисто для отвода глаз. На самом деле она держит во рту мешочек с сосновой пылью. Стоит дунуть порошком на пламя, как огонь тут же вспыхивает ярче.

Зрители, конечно, догадывались, что их дурачат, но услышав разоблачение из уст ребёнка, тут же почувствовали себя обманутыми. К тому же зрелищем они уже насладились, так что зеваки мигом ухватились за повод сэкономить:

— Так это обычный обман! Мошенница! Верни деньги! — покатались из толпы возмущённые выкрики.

Девушка оказалась на редкость сообразительной. Почувяв, что дело пахнет керосином, она первым делом решила сберечь честно заработанную медь. Смекнув, что среди зевак полно мужчин, которые вряд ли решатся прилюдно распускать руки перед юной девицей, она решительно рванула ворот рубахи и высыпала все монеты из чаши прямо в нагрудный карман.

После этого она размашистым шагом подошла к Цзинь Линьэру и, ткнув в его сторону тонким, изящным пальчиком, гневно выпалила:

— С чего это ты вздумал на меня наговаривать?!

Сунь Цинфэн смерил её ледяным взглядом и сделал шаг вперёд, заслоня мальчика:

— И что ты сделаешь?

Девушка испуганно отпрянула на три шага и мгновенно переменилась в лице, напустив на себя самый жалостливый вид.

— Люди добрые! — запричитала она, шмыгая носом. — Посреди бела дня сильные слабого обижают!

Цзинь Линьэр тихонько потянул отца за рукав, прося опустить его на землю. Подойдя к артистке, он примирительно произнёс:

— Сестрица, я вовсе не хотел мешать твоей торговле. Просто я уже видел, как другие изрыгают пламя, вот и подумал, что ты делаешь так же. Если я ошибся, не сердись на меня, пожалуйста.

Подойдя ближе, Цзинь Линьэр смог получше рассмотреть девушку. На вид ей было не больше восемнадцати. Кожа белая и нежная, словно чистейший нефрит, щёки румяные, как персиковый цвет, а большие округлые глаза сияли живым умом. Даже сейчас, когда она хмурилась от злости, в её облике сквозило удивительное очарование. Но кроме девичьей миловидности в ней чувствовалась какая-то задорная, мальчишеская удаль — и в осанке, и в манере держать себя, и в резковатом голосе.

От этих слов девушка округлила глаза и от возмущения даже заикаться начала:

— Ты... ты ещё и споришь?! Да я... я...

Цзинь Линьэр озадаченно склонил голову набок:

— Что — ты? Что я такого сказал?

Поняв, что связать и двух слов от ярости не получается, она лишь сердито топнула ножкой и вихрем взлетела обратно на сцену. Факел брать не стала — лишь повязала вокруг лба широкую алую ленту, убирая мешавшие волосы, и крикнула сверху:

— А ну смотри во все глаза! Сейчас твоя бабушка покажет тебе такое, чего ты в своей жизни ни у кого не видывал!

Цзинь Линьэр вернулся к отцу и тихонько шепнул ему на ухо:

— Папа, от неё как-то странно пахнет.

— Никогда не чуял, как пахнут женщины? — невозмутимо отозвался Сунь Цинфэн. — И не вздумай над ней насмехаться.

— Да я и не думаю смеяться! Просто чудно это всё. Матушка всегда благоухала цветами, а от этой девицы несёт... ну, словно дикой лисицей из глухой чащи. Неужели ей приходится самой на зверя ходить, чтобы прокормиться? Бедняжка...

Сунь Цинфэн нахмурился, не сводя глаз с кривляющейся на сцене артистки:

— Впредь держись подальше от всякого сброда. Заметишь что-то неладное — сразу говори мне.

Мальчик гордо выпятил грудь и самодовольно шмыгнул носом:

— Вообще-то я глава Дьявольского культа!

— А ну цыц! — шикнул на него Сунь Цинфэн, испуганно оглядываясь по сторонам. К счастью, прохожие лишь посмеивались, принимая слова забавного малыша за детскую шалость. Кому в здравом уме пришло бы в голову связывать этого карапуза с грозным главой культа? И хотя беды удалось избежать, Сунь Цинфэн лишь тяжело вздохнул, не зная, радоваться такой маскировке или сокрушаться о глупости своего подопечного.

Тем временем толпа у сцены взорвалась аплодисментами. Цзинь Линьэр приподнялся на цыпочки, разинул рот и тоже принялся увлечённо хлопать.

Сунь Цинфэн тоже поднял взгляд. На этот раз девица обошлась без факела: стоило ей приоткрыть рот, как наружу вырвалось настоящее пламенное облако.

Но одним этим трюком дело не ограничилось. Она крутила сальто, принимала боевые стойки и прямо в прыжках изрыгала струи огня, придавая им самые причудливые очертания. Зрелище и впрямь вышло захватывающим.

Одно казалось странным: её грудь выглядела несуразно большой для столь хрупкого телосложения. Это не только бросалось в глаза, но и явно мешало движениям. Наконец, закрутив очередной лихой кульбит, артистка потеряла равновесие при приземлении, истошно взвизгнула и растянулась на досках во весь рост.

— Ах ты ведьма! Как смеешь среди бела дня смущать честной люд своим колдовством?!

Из-за угла улицы вылетела кавалькада всадников. Грозный отряд устремился напрямик к сцене, заставив толпу мгновенно рассеяться в разные стороны.

Прибывшие щеголяли в одинаковых тёмных одеждах особого кроя. На разбойников они походили мало — скорее на стражников, но их форма заметно отличалась от облачения обычной уездной управы.

Простые зеваки недоумевали, но Цзинь Линьэр сразу признал эти мундиры — Бюро по поимке демонов Куньлуня. Предводителем отряда был высокий юноша с парой коротких клинков на поясе. Тот самый «старший брат», что некогда сопровождал Чэнь Юньцина на гору Цинмин.

У мальчика заныло под ложечкой. Испугавшись, что его узнают, он принялся дёргать Сунь Цинфэна за рукав, умоляя поскорее уйти.

Однако тот даже не подумал спастись бегством. Лениво отойдя к краю дороги, Сунь Цинфэн прислонился к стене дома, скрестил руки на груди и с явным любопытством уставился на разворачивающуюся сцену.

— Пока отец рядом, тебе нечего бояться, — с улыбкой бросил он.

Одного этого замечания хватило, чтобы страх мальчика как рукой сняло. Глядя на спокойное, сосредоточенное лицо Сунь Цинфэна, Цзинь Линьэр понял, что у того наверняка есть план. Он успокоился и, в точности скопировав позу отца, привалился к соседней стене.

— С тобой мне, конечно, ничего не страшно, папа. Я только боюсь, как бы мы к ужину не опоздали. Очень уж хочется отведать твоей стряпни.

— Успеем, — усмехнулся Сунь Цинфэн, качнув головой.

Тем временем на другой стороне улицы несостоявшаяся артистка с крихтением поднялась на ноги, потирая ушибленный нос. В руке у неё откуда-то взялась пыльная паровая булка — должно быть, выпала из её же наряда во время падения. Но куда забавнее было то, что правая сторона её груди теперь полностью сдулась, сделавшись плоской, словно доска. Поняв, что скрывать уловку бессмысленно, девица смачно сплюнула, бесцеремонно подоткнула подол юбки за пояс и воинственно крикнула приближающимся всадникам:

— А ну стоять! Не подходи, хуже будет!

Высокий юноша жестом велел своим спутникам остановиться и сделал два шага вперёд.

— Дева Фу Цинчжи, — звучно произнёс он. — Людям — людское, а нечисти — своя дорога. Между Куньлунем и великим государством Юн заключено соглашение: всякий, кто посмеет без спросу покинуть мандалу-град Куньлунь и пересечь границу Белого моря, подлежит немедленной казни. Учитывая твоё особое происхождение, мы не станем проливать кровь. Сдавайся и возвращайся под конвоем обратно, тогда этот проступок тебе простится.

Услышав это, Фу Цинчжи приободрилась — её домашние явно успели подмазать кого надо в Цзияосы. Она без лишних церемоний плюхнулась прямо в дорожную пыль и принялась усердно массировать ушибленное колено:

— Да от вашего Цзияосы никакого толку! Вы даже завалявшегося беса поймать не в силах, вот мне и пришлось самой бежать из дома на поиски. Как найду его, так сразу и вернусь сдаваться, честное слово!

Лицо юноши потемнело от досады:

— Истребление нечисти — прямая обязанность нашего ведомства. Не тебе нас учить.

К Фу Цинчжи окончательно вернулось самообладание, а вместе с ним исчезло и заикание:

— Да если бы я замышляла зло, разве стала бы я глотать пыль на этих дорогах ради жалкой горсти меди? Я, слабая одинокая девушка, уехала из родного края, чтобы помочь вам изловить беглеца, а вы на меня с оружием кидаетесь! Где справедливость?!

— Что за вздор ты несешь? — Юноша явно растерялся под её напором.

— А если не верите, вон посмотрите! — Фу Цинчжи резко ткнула пальцем в сторону Сунь Цинфэна. — Там у стены притаилась парочка кошачьих оборотней! Что же вы их не вяжете, а только беззащитных девиц гонять горазды?

Предводитель отряда медленно перевёл взгляд на Сунь Цинфэна. Его ладони легли на рукояти коротких мечей, а в позе сквозила предельная собранность.

— Ну и что вы на это скажете, почтенные?

Солнце уже клонилось к закату, заливая улочки городка багровым, предвещающим бурю светом. Налетевший порыв ветра растрепал раскидистые ивы, швыряя в лица колючие листья; тени на земле удлиннились, и в сгущающемся полумраке отчётливо повеяло смертоносной

угрозой.

— Ну оборотни. И что с того? А если нет — дальше-то что?

Сунь Цинфэн даже головы не поднял, лишь лениво скользнул по стражникам презрительным взглядом. Он слегка наклонился, завёл левую руку за спину, нащупывая эфес меча, а правую ладонь мягко протянул притихшему Цзинь Линьэру.

Заходящее солнце очертило его силуэт сияющей каймой, подчёркивая резкий разлёт бровей и холодный, пронзительный взгляд. В эту секунду он походил на матёрого хищника, который лишь притворялся спящим, но в любой миг был готов перегрызть горло всякому, кто посмеет приблизиться.

Окружающие замерли, подавленные этой тяжёлой аурой. Лишь Цзинь Линьэр не выказал ни капли испуга. Мальчик не понимал, почему его защитник не хочет просто объясниться, но стоило Сунь Цинфэну протянуть руку — и ребёнок без тени сомнений прыгнул к нему в объятия, крепко обхватив за шею. В его детском сердце жила абсолютная, безоговорочная вера: раз папа так поступает, значит, так нужно.

И всё же, прижавшись к широкому плечу мужчины, он робко шепнул ему на ухо:

— Старший Сунь, будь осторожен.

— Думаешь, я не справлюсь с этой кучкой щенков? — тихо отозвался Сунь Цинфэн.

— Справишься, я знаю. Но я ведь люблю тебя, вот сердце и болит. Пожалуйста, постарайся не пораниться. И... если можно, не убивай их, ладно?

Сунь Цинфэн мягко усмехнулся, и тёмная злоба, исказившая его черты секундой ранее, бесследно растаяла.

— Доверься мне. Закрой глаза — это не займёт много времени.

На другой стороне улицы Фу Цинчжи продолжала картинно шмыгать носом, краем глаза высматривая лазейку, чтобы потихоньку дать дёру. Тем временем двенадцать куньлуньских ищеек перекрыли дорогу, выстроившись полукругом. Напряжение достигло предела.

В этот момент один из преследователей торопливо шагнул вперёд и склонился к уху своего предводителя:

— Тысячник Ло, господин Чэнь Юньцин до сих пор не объявился. Нам нельзя рисковать, вдруг это уловка, чтобы выманить нас?

Ло Ян недовольно нахмурился:

— Ни одна тварь в здравом уме не посмеет тронуть Юньцина. Но посмотри на этого бродягу — бледный как мертвец, дышит, а стука сердца не слышать. Я сам проверю, кто он такой.

Однако закончить мысль он не успел. Раздался резкий, чистый звон разрываемой тишины — Сунь Цинфэн первым обнажил клинок. Его движения отличались невероятной, почти пугающей стремительностью. Воздух прочертили мириады ледяных искр; каждый выпад был сокрушителен, не оставляя противникам ни малейшего шанса на защиту. В этой яростной атаке сквозила мощь, способная сокрушить целое войско.

Ищейки даже не успели разобрать, откуда пришёл удар. Одним слитным движением Сунь Цинфэн выбил оружие из рук Ло Яна, а в следующую секунду и остальные одиннадцать стражников повалились на землю, распластавшись в пыли. Никто из них не сумел даже коснуться его дорожного плаща.

Не пролив ни капли крови, воин дошёл до перекрёстка, привычным движением вогнал меч в ножны и недовольно бросил застывшей в изумлении Фу Цинчжи:

— Ну? Так и будешь там сидеть?

— Ой, подождите меня, уважаемый! — взвизгнула девица, мигом позабыв про «больную» ногу, и вприпрыжку помчалась следом за своим спасителем.

Примерно через полчаса поверженные стражники пришли в себя. Стянув к местному постоялому двору все наличные силы, они перекрыли выезды из городка и принялись методично прочёсывать каждый закоулок в поисках троицы возмутителей спокойствия.

А в это самое время разыскиваемые «беглые демоны» преспокойно сидели на черепичной крыше того самого постоялого двора, лениво потягивая душистое абрикосовое вино и закусывая его горячими, только из печи, пирожками.

Цзинь Линьэр так усердно жевал, что едва мог ворочать языком:

— Прости, сестрица Фу, — пробормотал он, забавно раздувая щёки. — Из-за меня твоё представление сорвалось.

Девушка весело расхохоталась, махнув рукой:

— Да пустяки! Это вам спасибо, что выручили из беды. Ищейки эти совсем житья не дают. Я едва успела выбраться за границу Белого моря да обернуться человеком, как они тут же на хвост сели. Так и гнали до самого города.

— А ты и впрямь умеешь изрыгать огонь без всяких фокусов? — полюбопытствовал мальчик.

Несмотря на миловидное личико, по характеру лисица оказалась на редкость простодушной и болтливой. Стоило Цзинь Линьэру задать один вопрос, как она тут же выложила всю подноготную:

— А то! Я ведь лиса, самая красивая во всей куньлуньской мандале! Мой отец Фу Даньчжу — прародитель нашего племени, а я его девятая дочь. Вообще-то мой батюшка происходил из рода великого Яо, так что в былые времена я считалась бы настоящей царевной. Потому эти куньлуньские псы и побоялись меня убить на месте.

Цзинь Линьэр уже открыл было рот, чтобы выразить восхищение, но, поймав недовольный взгляд Сунь Цинфэна, поспешно исправился:

— Ты, конечно, сильна, но мой папа Сунь всё равно сильнее всех на свете!

Суровое лицо воина слегка смягчилось. Переходя сразу к делу, он спросил:

— Ты явилась в мир людей за кем-то конкретным?

Собеседница кивнула с прямоотой, совершенно не свойственной увёртливому лисьему племени:

— Ищу одного беглеца.

— Раз уж ты из лисиц, — прищурился Сунь Цинфэн, — не доводилось ли тебе слышать о соплеменнике по имени Ху Цзю?

— Не слыхала о таком, — качнула головой девица. — Я ищу младшего брата, Фу Сяо. Он пропал несколько веков назад. Думаю, по глупости провалился в мир смертных, а здесь ведь кругом обманщики — вот я и заволновалась. Кстати, почтенный воин, от тебя ведь тоже человеком не пахнет, может, встречал его где?

Сунь Цинфэн раздражённо поморщился:

— Несколько веков?

— Ну... триста, четыреста, может, пятьсот лет назад, — беззаботно отмахнулась лисица, прикрыв рот ладонью. — В наших горах время летит незаметно, кто его считает? Мой братец — полукровка, вечно ему от других доставалось. Характер у него дикий, нелюдимый, вечно по углам прятался. Когда он исчез, никто в семье даже не сразу хватился.

Сунь Цинфэн понял, что простодушный вид его собеседницы обманчив. За внешней весёлостью скрывался острый ум, и выдавать свои настоящие секреты она не спешила. Решив зайти с другого боку, он спросил:

— Чэнь Юньцин пропал без вести. Твоих рук дело?

Фу Цинчжи испуганно замахала руками:

— С ума сошёл?! Этот чинуша из Цзияосы, как поговаривают, приходится родней самому Императору демонов! Стану я из-за глупости подставлять голову под топор? Я лишь заметила, что этот щеголь таскает с собой хвост моего пропавшего брата, ну и решила проучить его слегка. Связываться со всей их конторой себе дороже.

В памяти Цзинь Линьэра мгновенно всплыла их встреча с Чэнь Юньцином, который когда-то выменял у него драгоценный лисий воротник, оставленный матерью.

— Постой, а хвост твоего брата... он случайно не красно-белый? — быстро спросил мальчик.

— Точно! — Глаза лисицы взволнованно блеснули. — Откуда ты знаешь?!

Цзинь Линьэр робко покосился на отца. Тот едва заметно качнул головой, призывая прикусить язык, но скрывать правду мальчику казалось неправильным.

— Скрывать не стану, мне известна история этой вещи, — вздохнул он. — Тот хвост принадлежал Ся Цинжоу, защитнице нашего культа. Мой покойный отец и матушка добыли его, когда одолели её в бою.

— Ся Цинжоу?! — воскликнула Фу Цинчжи. — Да ведь это имя его матери! Значит, под этой личиной скрывался мой младший брат!

— Твоя затея бессмысленна, — глухо отозвался Сунь Цинфэн. — Ся Цинжоу давно мертва.

— Ой, да что вы понимаете! — весело отмахнулась лисица. — У нашего брата сколько хвостов — столько и жизней. Пусть он всего лишь слабый полукровка и не обучен великим чарам, но с рождения владел двумя хвостами. Так что погиб лишь его двойник. Раз вы с ним знакомы, скажите, где он сейчас?